Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Из цикла «В отцы годится» №3: Рапунцель и физика

Жила-была на свете девочка по имени... впрочем, ее имя не имеет значения. Из-за высокого роста ее чаще звали Жирафкой. Это было не совсем справедливо: жирафы высокие из-за шеи, а Жирафка — из-за ног, которые начинались у нее прямо от макушки. (Так говорили про нее, а она не обижалась.) Гораздо больше, чем на жирафа, она была похожа на косулю или лань.

А еще у нее были длинные медовые локоны. Обычной девочке они дошли бы до колен, а у Жирафки спускались чуть ниже поясницы. Поэтому ее еще звали Рапунцелем. Правда, ребятам было лень выговаривать такое длинное иностранное слово, и Рапунцель превратился в Пунцеля, Пунцика или просто Пунца. Ни одна девочка в школе не имела столько имен.

Жирафка-Пунцель-Пунц была самой настоящей моделью. Всякой — и топ-, и фото-. Еще в восьмом классе ей сказали, что ее рост — это судьба, и насильно впихнули в модельную школу. Намазюканная и отлакированная Жирафка вышагивала по подиуму, как заправский солдат моды. Это было эффектно, но не очень серьезно — дальше обложек «Нашего Края» дело не шло.

Жирафка и не стремилась к карьере Клаудии Шиффер. Гораздо больше ее увлекал физмат: она была призером всех олимпиад, и учителя давно смирились с ее равнодушием к языкам, Патриотическому Воспитанию, Национальной Идее и другим важным предметам.

К выпускному классу Жирафка вымахала до 1, 88, обогнав всех пацанов. Внешность у нее была не простая, а с закавыкой. В обычном своем виде (унисекс, ноль косметики, очки, без которых она видела цветные пятна вместо вещей) Жирафка привлекала внимание разве что ростом или длиной своих кос. Кому-то ее ассиметричная физиономия могла показаться даже некрасивой. Стоило, однако, очкам убраться, а унисекс сменить на платья — и народ начинал таращиться на Жирафку, как на чудо заморское. А если она улыбалась (нечасто, но от души) — все вокруг млели, как фрукты в жару. За улыбку Жирафке прощали все или почти все, даже модельную карьеру.

Характер у нее был скорей меланхолический, чем заводной. Казалось, она уставала управляться со своим большим красивым телом. Жирафка быстро скисала и куксилась, ее было легко довести до слез. Она была находкой для дразнильщиков, хоть ее все равно не дразнили, следуя негласному уговору — оберегать Жирафку, как редкого зверя.

Но этой весной ее меланхолия куда-то улетучилась. Еще бы — столько волнующих событий втиснулось в несколько месяцев, будто они были резиновые! Жирафке стукнуло восемнадцать; она выграла супер-пупер-олимпиаду по физике; ее отобрали для дефиле в Патриотическом Дворце; весь май и июнь были забиты показами одежды, с которых Жирафка хоть и не имела ни шиша, но все равно!... И в финале всего этого великолепия — ее выпускной! Одна мысль о том, что она в офигительном платье, которое агентство бесплатно даст ей напрокат... Короче говоря, вряд ли вы найдете девочку восемнадцати лет, которую оставил бы равнодушной такой расклад дел.

Неудивительно, что все тревоги Жирафкиного города проходили мимо нее. Война гремела где-то там, на границе, а здесь жизнь шла своим чередом. Невозможно было представить, что может быть иначе. Слухи, перемигивания, шепот на лестничных клетках, заголовки новостей и прочая накипь не задерживалась в Жирафкиной голове, полной гравитационными волнами и своим платьем. И даже загадочный Кондор, интриговавший ее всю весну, отошел на третий

план.

Этот Кондор появился в школе недавно, с зимы, и был учителем физкультуры. Жирафка с детства славилась умением давать прозвища, которые прилипали к их обладателям, как бирки. Новый физрук обладал крючковатым носом и сердитыми горящими глазами, которые смотрели тебе прямо в мозг. Конечно, сама судьба велела ему быть Кондором. Он еще и прихрамывал — ученики удивлялись даже, как его взяли физруком.

В спортзале Жирафку видели раз в сто лет (как олимпиаднице и вундеркинду ей все прощали), и с Кондором она почти не пересекалась. Он и притягивал, и пугал ее; иногда хотелось сходить к нему, но Жирафка всякий раз придумывала себе отговорки. Какое-то время она фантазировала про него всякие истории, и даже записала парочку, выложив их в сети. Кондор был там герцогом-оборотнем, имевшим привычку околдовывать невинных девиц и уносить их на своих крыльях в неприступный замок, чтобы там...

Что было дальше, оставалось тайной: Жирафка никак не могла собраться и дописать до конца. Может, потому, что впереди было столько волнительных событий, а может, и не только.

***

Этот день начался странно. Вечером должно было быть дефиле в Патриотическом Дворце, и Жирафка, занятая обычными модельными заботами, не сразу увидела, что изменилось в городе.

А когда увидела — не сразу поняла. Длинная колонна военных машин не давала ей перейти дорогу, и только поэтому она заметила вместо привычных вишневых знамен с Осланом — желтые с Бобром.

Ум не мог это переварить, и Жирафка полезла в сеть. Пролистав новости, она остановилась и минуту стояла на месте. Потом пошла дальше.

«Наверно, дефиле в Патриотическом Дворце не будет. И самого Патриотического дворца теперь тоже не будет» — думала она. В агентстве не отвечали на звонки, и Жирафка была в полной растерянности.

Проходя мимо школы, она решила заглянуть туда.

Школьный двор был непривычно пуст. Жирафка потопталась у входа, затем заглянула на спортплощадку, где всегда толклись мальки. Вместо них у турников орудовали люди в незнакомой форме. Они заломили руки худощавому типу и тащили его в автозак, припаркованный рядом.

— Кондор! — вскрикнула Жирафка.

Один из них обернулся и увидел Жирафку.

Переглянувшись со своими, он направился к ней. Жирафка пятилась — но тот в два прыжка настиг ее и схватил за руки.

— Не трогайте девчонку, твари, уроды сраные! — раздался голос физрука.

— Откуда ты знаешь Кондора? Откуда ты знаешь его позывные? Вы работали вместе? Отвечай! — орал мужик, схвативший Жирафку.

— Какие позывные? — пищила она. — Это просто я его так прозвала — Кондор... Я всем прозвища даю...

— Прозвища? — хохотнул мужик и потащил ее в автозак. — Пакуем обоих. Эта сладкая парочка, видно, вместе работает. Ничего, у нас все расскажут, — он смачно сплюнул, глядя на Жирафку.

Так на нее еще никто никогда не глядел — как на змею или на таракана. Жирафке почудилось, что она во сне, и нужно просто проснуться обратно, в обычное утро обычного дня с обычным дефиле в Патриотическом Дворце...

***

Их привезли в полуподвал на Малой Победоносной, где раньше был комитет Верных Осланцев. По дороге Кондор орал, что Жирафка ни при чем, ругался страшным матом, грозился дойти до командования, и его били, разбив нос и губу. Жирафка вжалась в угол фургона. У нее отняли мобилку, и она даже не успела позвонить родителям.

В бывшем комитете Верных ее долго допрашивали, требуя какие-то позывные, и она не понимала, как эти люди, говорящие на ее родном языке, могут не понимать, что она ничего не знает. В соседней комнате орал телевизор:

— В великой войне Бобра с Ослом бобриная армия, как всегда, одерживает победу за победой над этим грязным животным и его ублюдками-ослятами...

Потом офицер сказал ей:

— Радость моя, ты забыла, что делают с предателями? Сейчас напомним. Питона сюда!

В комнату ввели худого типа, и правда похожего на питона. Он смотрел водянистыми глазами в никуда.

— Сдохни, ослятина, — радостно сказал офицер и аккуратно воткнул в него шприц. Питон качнулся и сполз на пол, закатив глаза. Жирафка почувствовала, что не может вдохнуть и обмякает вместе с Питоном, будто у них был общий на двоих рубильник, и его вырубили...

— Ну да, обморок. Лишилась чувств, блядь, — сказал офицер и врезал Жирафке затрещину, раскроившую мозг пополам.

Когда она смогла дышать и понимать, что ей говорят — услышала:

— С тобой еще хуже будет. Завтра займемся вами, а до тех пор...

Он еще что-то говорил — Жирафка слышала его урывками, будто оглушенный мозг включался и выключался. Потом ее впихнули куда-то и заперли дверь. Жирафка осталась в кромешной тьме.

***

— Кто это? — раздался знакомый голос.

Жирафка молчала. Она просто забыла, как говорить.

— Кто здесь?! — шипел голос из темноты. Это был Кондор.

— Я, — отозвалась Жирафка.

— Кто? Девочка из школы?

— Да...

— Как тебя зовут?

— Жирафка, — сказала Жирафка. Ей и правда ничего другого не пришло в голову.

— Ха! А ты с юмором, — сказал Кондор. — Молодец.

Голос у него был ровный и тусклый, как в наушниках, если они плохо контачат.

— Они тебя били?

— Да...

— Ссуки. Кровь есть?

— Не знаю.

— Сейчас я нащупаю тебя. Не бойся, я не сделаю ничего такого, — сказал он, и Жирафкино плечо потрогала холодная рука. Жирафка вздрогнула. — У меня есть одна спичка, и я берегу

ее... Где болит?
Он щупал ей голову, а она подвывала от боли и страха.
— Сойдет. До утра доживешь, — сказал он.
— Почему до утра?
— Потому что утром мы с тобой умрем, моя девочка. Это будет скоро, и это наверняка будет очень больно. Поэтому сегодня давай как следует запомним, как это — жить.
— Почему умрем? — бормотала Жирафка.
— Потому. Я ведь на них работал. Все это время я приближал великую победу Великого Бобра. И я хорошо знаю своих... Как ты, кстати, узнала мои позывные?
— Какие позывные? Просто... я всем прозвища даю, вот и вам тоже... А почему они вас взяли, если вы свой?
— Потому что это война, Жирафка. Я наивно думал, что меня это не коснется. Какая-то сука настучала, наверно... хотя — не знаю. Они чистят всех по малейшему подозрению. И ваши так делают. Это война.
— Так вроде... война Бобра с Ослом?
— Я тоже так думал. Еще вчера... хотя на самом деле я всегда знал, что любая война — это война всех против всех. А лозунги стряпают для дураков вроде меня. Сорок три года живу на свете — так и дураком помру...
Жирафка вдруг заплакала. У нее это получилось как-то неожиданно и сразу.
Кондор нащупал ее ладонь и сжал холодными пальцами.
— Надо просто принять это, — сказал он. — Рано или поздно все мы... Ссуки! У тебя есть парень?
— Нет...
— Ты хоть натрахаться успела за это время?
— Нет...
— Что, ни разу?
— Нет...
Кондор замолчал. Потом сказал:
— Ну, ведь нравился кто-то?
— Да. Вы нравились...
— Хо! — Кондор явно не ожидал такого поворота. — Когда ж ты успела меня... я вот тебя не помню совсем. И не разглядел толком... Ты красивая?
Здесь нельзя было ни врать, ни играть, и Жирафка ответила:
— Да.
— Очень?
— Не знаю... Может быть.
— Какая ты? Можно тебя потрогать?
Жирафка неопределенно всхлипнула, и руки Кондора принялись путешествовать по ее телу. Почему-то они были уже не холодные, а теплые, почти горячие.
— Тааак... Ого, какая коса! До пояса... нет, еще ниже! А попа у тебя аккуратная, не толстая и не худая... Сиськи небольшие... можно потрогать? Я ведь осторожно... Небольшие, но крепенькие... Носик аккуратный, губки тоже... Глаза какого цвета?
— Карие...
— Мой любимый цвет... А хочешь...

Кондор умолк.
Жирафка перестала плакать и немножко гнулась под его руками, щупавшими ее сквозь одежду.
— Что?
— Да так, ничего. Бредовая мысль...
— Какая? Скажите!
— Ну... Подумал вот: раз завтра все равно подыхать, а ты в жизни толком ничего и не пробовала... Тем более — ты говоришь, я тебе нравлюсь...
Жирафка сопела, ничего не говоря, и тот решился:
— Может, я хоть покажу тебе, что такое, так сказать, плотские утехи? Я довольно-таки неплохо это делаю. Последнюю ночь живем... тебе впечатления и мне радость...
— Да, — сказала Жирафка. — Хорошо.
Кондор снова умолк: он не ожидал такого быстрого согласия.
— Ну вот и сла... , — наконец сказал он, и одновременно с ним Жирафка:
— Мне раздеться?
— Ну что ты... я сам тебя раздену... мне приятно будет, и тебе...
Горячие руки медленно освободили ее туловище от одежды, попутно успевая мять и поглаживать под ней Жирафку, покрывшуюся гусиной кожей.
— Ну вот... какая ты мягкая, чудесная... — рокотал голос из темноты. Он был уже не тусклым, а густым и требовательным, как прикосновения пальцев, мявших Жирафку сверху донизу, будто она была восковой. — И сисечки у тебя такие мягонькие, замечательные такие... — он ткнулся туда носом и лизнул сосок. — Делал тебе так кто-нибудь?
— Нет...
— Тогда запоминай, как это. Запоминай, Жирафка, чтобы на том свете помнить... — и ввинтился языком в сосок, сначала в один, потом в другой, и снова, и снова... и руки его мяли соседнюю сиську, и рядом, и плечики, и всю Жирафку...
Она засопела.
— Что ты чувствуешь?
— Не знаю... Такое нельзя описать.
— Попробуй! Вот когда я так делаю, — он всосал в себя сосок, облепил его языком и отпустил, — что чувствуешь?
— Ааах! Будто... вы меня туда током бьете. И внизу отдает... ааа!
— Нравится?
— Не знаю... Да.
— Делать так еще?
— Дааа!..
И влажный язык мучил Жирафкины соски, насосав их до стальной твердости, и они торчали из нее, как два болючих орешка, сверлили темноту горячим зудом, который чем больше утолить — тем он сильнее...
Не отрывая губ от соска, Кондор расстегнул ей брюки и потянул с бедер всю ткань, которая на них была.
— Трусики долой, — сказал он, ткнувшись лицом ей в живот. — Сейчас у тебя будет голая пися. Голенькая писюлька... Тебе стыдно, Жирафка?
— Не знаю...

— Смотри, я трогаю тебя за твою мокренькую писюлечку... Ты так течешь... хоть выкручивай тебя... Нравится? А так?
— Ааа...
Его пальцы разлепили внутренние складки и проникли, наконец в самый тайный уголок ее тела. Жирафка чуть развела ноги и покачивалась, отвечая стоном на каждое касание.
— Что ты чувствуешь? Стыдно? Стыдно девочке?
— Ааа... Немножко...
— А еще?
— Ааа... хочется... сильнее...
— Ага! Вот так? Вот таааак? — он откровенно дрочил ее, и Жирафка оплывала на его руке, еле держась на ногах. — Сейчас, сейчас будет сильнее, будет совсем сильно... Сейчас ты ляжешь, раздвинешь ножки, и я буду трахать мою зайку, мою невинную Жирафку... буду трахать в ее мокренькую дырочку, которую она подставляет мне... потому что хочет трахаться, очень, оооочень хочет трахаться...
Кондор бормотал эти шаблонные тексты и сам возбуждался от них, как от настоящего порно.тело, и извивалась под Кондором, который давно уже не лизал, а буравил Жирафку своим дрыном.
— Вот! Так! Вот! Так! — выкрикивал он с каждым толчком. — Я ебу тебя, Жирафка, девочка моя... и ты уже не девочка... Ты стала женщиной, и я ебу тебя... Что... ты... чувствуешь?..
— Ой-ей-ей... ииииы! — рыдала Жирафка, обжигаясь криком, как кипятком. Она не знала — больно ей было или приятно, и вообще ничего не знала и не понимала. Все переживания страшного дня сгорали в ней, очищая нервы. Кондор давно отхрипел свое и теперь гладил Жирафку, пыхтевшую зверем в темноте.
— Какая ты страстная, — бормотал он. — Если бы у тебя был парень, ему бы таааак повезло... Хотя я бы тебя никому не отдал. Говорят, что если люди кончат вместе — они больше не могут друг без друга жить. Что-то там внутри возникает, химия какая-то... Так что... Вот ты и узнала, как это бывает. Теперь ты знаешь... Теперь знаешь...
Голос его опять стал тусклым, как в старых наушниках.
А Жирафка, хоть еще не могла говорить, но чувствовала, наоборот, что все переживания смылись, как накипь, и осталась только ясное легкое... она даже не знала, что это. Наверно, ее ум. Или ее «я».
Кожу, разгоряченную сексом, обдувал легкий ветерок, и Жирафка чувствовала сразу все свое тело, голое и расслабленное, и руки Кондора на нем, и его слюну на сосках... И душе, и телу ее было чисто и спокойно, и даже скорая смерть, о которой Жирафка не переставала думать, теперь казалась всего лишь очень трудной, замысловатой, но все же как-то решаемой задачей...
—... И хоть эту ночь я побуду твоим мужчиной. Это честь для меня, Жирафка, — быть твоим мужчиной. Тем более первым. Мы с тобой заперты в этой тюрьме, и отсюда нет выхода — я обшарил каждый уголок... Но зато мы вместе. И мне совсем не так страшно и тоскливо умирать... Все-таки я потрачу свою последнюю спичку и посмотрю на тебя, какая ты. Я должен видеть тебя сейчас.
Он чиркнул — и ослепительная молния, как показалось Жирафке, обожгла глаза, отвыкшие от света.
— Вооот какая, — дрожащим голосом говорил он, лаская Жирафкины груди. — Вооот какая...

Личико совсем детское, и сисечки тоже… тебе лет-то сколько? Тоненькая, стройная… девочка моя…

Жирафка смотрела на его профиль, выхватываемый огоньком из тьмы, и на сам огонек, который уже не был молнией. Он немного клонился вбок, как полевая трава на ветерке… или ей это казалось? Очки разбились, когда ее ударили, и Жирафка не могла поручиться, что…

Ветерок…

Откуда тут ветерок?

— Тяга! — Жирафка подскочила, взмахнув рукой, и случайно загасила огонь. — Сквозняк!

— Какая еще тяга? Ты чего?..

— Здесь есть другой выход.

— Нихрена тут нет, Жирафка, я обшарил все сте…

— Плохо шарили!

— Да откуда ты…

— Физику надо было учить! — крикнула Жирафка. — Ищем вместе!

— Да какой там другой выход, — бурчал Кондор, ощупывая стены. — Просто дыра где-то в кирпичах, и…

— Мы в подвале.

— Ну и что, что в подва…

Кондор замолчал.

— Что?

— Иди сюда, — сказал он тоном ниже. — Вот тут щупай.

Фанера, или ДВП, или что-то, покрывавшее стену, отходило здесь от нее, образовав щель. Оттуда явственно тянуло сквозняком.

— Ломаем, — решительно сказала Жирафка. — Ой! Кажется, я занозу…

— Дай я сам.

Кондор рванул за край. Покрытие со скрежетом отошло — и изумленная Жирафка увидела силуэт, едва различимый, как ночная тень.

— Свет! Там окно! Оно просто забито этой фигней!..

Кондор отдирал кусок за куском, пока не освободил проем, на фоне которого Жирафка видела мутное пятно — силуэт Кондора. На дворе был вечер или ночь.

— Ну! И… — он сунулся в проем. Жирафка замерла.

— Там метра три наверх, — сказал он. — Или больше. Полуподвальное окно с шахтой. Я не вылезу — у меня нога. Осколок под Боброполем. Они еще и били…

Он выбрался обратно.

— Ты ловкая, молодая — полезай.

— А вы?

— А я… что я? Придут за мной — буду защищаться электробритвой, хе-хе… Все отобрали, а бритву и спички забыли. Мог бы пожарчик им тут организовать… Давай, Жирафка. Я буду знать, что ты спаслась, и мне будет хорошо.

— Нет, — упрямо гундосила она. — Надо что-то придумать.

— Что придумаешь? Не работает нога у меня!

— Веревку поискать…

— Нихрена тут нет, кроме стен и потолка. Разве что ты, как Рапунцель, спустишь мне свою косу…

Жирафка молчала. Потом хрипло сказала:
— Так и сделаем.
— Ты серьезно, что ли? Девочка моя, это же только в сказках!... Скальп сдерешь себе, да и оборвется...
— Не оборвется. Четырнадцать тонн.
— Что четырнадцать тонн?
— Женская коса выдерживает четырнадцать тонн. В среднем. Физику надо было учить.
— А скальп твой сколько выдерживает?
— А скальп... у вас бритва на батарейках?
— Да.
— С машинкой?
— Да. Что ты заду...
Кондор ахнул. Потом сказал:
— Слушай, мне легче подохнуть, чем знать, что ты из-за меня...
— Давайте бритву.
— Твоей косы все равно не хватит. Она хоть и длинная, но надо минимум полтора метра...
— Столько и будет. Я сделаю две.
Она расплела косу.
Глаза привыкли к тусклому свету, и Кондор ясно видел волны пушистых волос, окутавших обнаженное тело Жирафки, и ее строгое, как мучениц, лицо. Он смотрел, как она орудует со своей шевелюрой, и не дышал, чувствуя в этом какой-то ритуал, древний, как смерть и жизнь.
Жирафка заплела вместо одной косы две. Кондор достал бритву.
— Можно я? — спросил он.
Жирафка кивнула, и он окунул гудящую железяку в ее волосы.
Горло сдавила оскомина... Кондор брил Жирафку и плакал, впервые за долгие десятилетия плакал, сбривая медовый пух под корень...
Вскоре Жирафки больше не было. Вместо него перед Кондором стоял яйцеголовый пришелец с сиськами.
Пришелец оделся и полез наверх, обмотав сбритые косы вокруг туловища.
— Тише. Там может быть охрана, — шикнул Кондор.
— Ооох... Не знааю, как я залееезу... — кряхтел пришелец.
— На физру надо было ходить!..
***
Через пару дней беглецы объявились в Ослобурге.
Их приняли как беженцев, и они с горем пополам устроились в лагере. Доблестная бобриная армия застряла на своих позициях, и Ослобург жил своей жизнью, как будто и не было великой войны Бобра с Ослом.
Как только появлялась возможность, Кондор и Жирафка занимались пылким сексом. Но такая возможность была редко, и чаще они мучили друг друга поцелуями и тайным троганьем интимных мест. Жизнь в лагере была непростой, хотя это, конечно, было лучше, чем война.
Когда Жирафке удавалось пробраться за компьютер — она втихаря дописывала свои истории про герцога-оборотня. Последняя история — про ночь любви в глубоком подземелье, и про косы, срезанные под корень герцогской саблей — имела бешеный успех. Единственное, о чем

сожалели читатели — что эта история, в отличие от предыдущих, совершенно неправдоподобна. Такого просто не бывает, писали они. Даже в сказках.